

Сергей Петрович Ким¹
sergeypkim@gmail.com

ПОИСК И ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЯПОНСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ (1946—1950): ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, РЕЗУЛЬТАТЫ

В статье рассматривается процесс поиска, преследования и предания суду японских военных преступников. В их число входили не только члены японских правительств разных лет, которые впоследствии в 1948 г. были осуждены по итогам Токийского процесса, но и те, кто были в числе своих сослуживцев разоружены Красной армией в августе 1945 г. Формирование обвинительных материалов и подготовка заседаний военных трибуналов требовали координации нескольких ведомств. В статье отмечается, что при формулировании целей этой работы советское правительство не только руководствовалось принципом неотвратимости наказания за совершённые злодеяния, но и стремилось к тому, чтобы виновные не сбежали в Японию и тем самым не усилили там антисоветские настроения. Задачи, сформулированные для реализации целей, разделялись на три направления: подготовка Токийского процесса, подготовка и проведение Хабаровского процесса, подготовка и проведение отдельных закрытых процессов, связанных с диверсионной, разведывательной и контрразведывательной деятельностью японцев в Маньчжурии. Несмотря на все сложности, связанные с меняющейся внешнеполитической обстановкой, все задачи были решены, и всего в СССР было осуждено 1578 чел. В выводах автор отмечает, что поставленные перед МВД, МГБ и Генпрокуратурой задачи являлись не менее масштабными и трудоёмкими, чем работа, которая проводилась в СССР в отношении немцев. **Ключевые слова:** Япония, СССР, военные преступления, Маньчжурская наступательная операция, японские военнопленные, Токийский процесс, Хабаровский процесс.

Sergey P. Kim¹
sergeypkim@gmail.com

SEARCH AND PROSECUTION OF JAPANESE WAR CRIMINALS (1946—1950): GOALS, OBJECTIVES, RESULTS

The article highlights the issue of how the search, prosecution and trial of Japanese war criminals was carried out. These included not only members

¹ Институт российской истории РАН, Москва, Россия.
The Institute of Russian History, RAS, Moscow, Russia.

of Japanese governments of various years, who were subsequently convicted in 1948 following the Tokyo trial, but also those who were among their colleagues disarmed by the Red Army in August 1945. The formation of indictments and the preparation of military tribunal sessions required the coordination of several departments. The article notes that when formulating the goals of this work, the Soviet leadership was not only guided by the principle of the inevitability of punishment for the atrocities committed, but also sought to ensure that the perpetrators did not flee to Japan and thereby did not increase anti-Soviet sentiments there. The tasks formulated to achieve the goals were divided into three areas: preparation of the Tokyo process, preparation and conduct of the Khabarovsk process, preparation and conduct of separate closed processes related to sabotage, intelligence and counterintelligence activities of the Japanese in Manchuria. Despite all the difficulties associated with the changing foreign policy environment, all the tasks were solved, and a total of 1,578 people were convicted in the USSR. In his conclusions, the author notes that the tasks assigned to the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of State Security, and the Prosecutor General's Office were no less ambitious and time-consuming than the work that was carried out in the USSR against the Germans.

Keywords: Japan, USSR, war crimes, Manchurian offensive operation, Japanese prisoners of war, Tokyo trial, Khabarovsk trial.

ВВЕДЕНИЕ

После того как японские войска, размещённые в Маньчжурии, Мэнцзяне, Корее, на Сахалине и Курильских островах, были побеждены войсками Красной армии, возник вопрос о том, что делать с сотнями тысяч японских военнопленных, которые оставались вне японской метрополии. Согласно п. 9 Потсдамской декларации глав правительств США, Великобритании, Китая и СССР, всем японским военным служащим после капитуляции Японии было разрешено вернуться на родину. Всего, согласно подсчётам американских историков, за пределами Японии 15 августа — 2 сентября 1945 г. оставалось более 3 млн чел., из них около 1 млн — в Китае, 1 млн — в Юго-Восточной Азии, 664 тыс. — в Маньчжурии, 334 тыс. — в Корее, 232 тыс. — на Тайване, около 91 тыс. — на Сахалине и Курилах [5, с. 123]. По нашим данным, всего в августе — сентябре 1945 г. сдало оружие советским войскам 639 776 чел., из них 534 тыс. чел., согласно решению ГКО № 9898сс от 23 августа 1945 г., было вывезено на территорию Советского Союза, а остальные были отпущены вскоре после разоружения

как не представлявшие интерес для СССР — в основном к такому относились подростки, старики и инвалиды.

Практически сразу после разоружения японских войск советское руководство определило основные подходы к выстраиванию политики в отношении военнопленных японцев. Во-первых, решением ГКО № 9898сс от 23 августа 1945 г. было решено использовать японцев в качестве рабочей силы для восстановления советской экономики — инфраструктуры, жилого фонда, добывающих предприятий. Для этого в Советском Союзе (преимущественно на территории Сибири и Дальнего Востока) была создана сеть лагерей НКВД (МВД), в которых и размещались японские солдаты и офицеры. Система лагерей для военнопленных японцев уже работала в военные годы, у руководителей НКВД (МВД) и Главного управления по делам военнопленных и интернированных² уже был опыт работы с ними. Во-вторых, немаловажным для советского руководства было создание лояльной к СССР и социалистической идеологии прослойки японских военнослужащих (солдат, унтер-офицеров и офицеров), которая по возвращении в Японию могла бы усилить просоветские настроения и, в частности, пополнить ряды Коммунистической партии Японии, нуждавшейся в активистах. Наконец, в-третьих, Наркомату (Министерству) внутренних дел, Наркомату (Министерству) государственной безопасности, Генеральной прокуратуре предстояло разыскать, обличить и осудить японских военных преступников. Несмотря на то, что японцы не оккупировали советских территорий, не проводили казни советских военнопленных, японское военное и высшее политическое руководство должно было понести наказание за продолжительную оккупацию Маньчжурии и части Монголии, подготовку нападения против СССР, нарушение пакта о нейтралитете СССР и Японии от 13 апреля 1941 г., а также за предыдущие шаги своего правительства — развязывание пограничных конфликтов на Халхин-Голе, Хасане, в районе КВЖД и за оккупацию советского Дальнего Востока в годы Гражданской войны. Предстояло не только выявлять главных

² Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) — орган, отвечавший за учёт, организацию, физическое состояние, трудовое использование и политическую работу среди иностранных военнослужащих и гражданских лиц, перемещённых на территорию СССР во время и после Великой Отечественной войны. Подчинялся Наркомату (Министерству) внутренних дел. Был создан в 1939 г. и расформирован в 1953 г.

организаторов военных преступлений, но и их исполнителей на разных уровнях, подготовить доказательную базу и организовать справедливый суд над ними средствами советских или международных органов правосудия.

Тема исследовалась историками: большая часть публикаций посвящена подробностям деятельности «спецотрядов» № 731 и № 100 [1—4; 6; 10—12], вышли и публикации, основанные на документах Архива внешней политики РФ [7—9]. Преступная сторона их деятельности изучена на данный момент лучше всего благодаря тому, что в 1950 г. были изданы некоторые материалы Хабаровского процесса, на котором были осуждены японские военнослужащие, ответственные за подготовку бактериологической войны [3]. Благодаря усилиям Росархива, федеральных и ведомственных архивохранилищ в последние три года целый ряд документов, ранее недоступных исследователям, был раскрыт и опубликован, что, с одной стороны, облегчает работу историка, но, с другой стороны, требует более тщательного и осторожного анализа, в связи с чем исследуемая тема далека от исчерпания. Не все источники были опубликованы, поэтому исследование архивных неопубликованных документов также не теряет значение. Наименее изученными, как представляется, остались вопросы организации и координации работы следственных органов, Генеральной прокуратуры, МИД СССР по поиску и выявлению японских военных преступников.

В задачи данной статьи входит освещение не только целей и задач, которые были поставлены советским судебным и следственным органам в 1946—1950 гг. для выявления японских военных преступников, но и основных результатов, которые были получены по завершении этой работы.

ЦЕЛИ РАБОТЫ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ЯПОНСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Первой целью, стоявшей перед советским руководством, стала подготовка обвинительных материалов от СССР для Международного военного трибунала (МВТ) в Токио, который был организован для суда над главными военными преступниками Японии. МВТ был создан 19 января 1946 г. Согласно воззванию Верховного главнокомандующего оккупационными силами Д. Макартура,

главной задачей МВТ был контроль над планомерным выполнением условий капитуляции Японии. Выполнение этой цели осложнялось тем, что США заняли главенствующую роль в формировании судебного процесса в Токио, а СССР ещё предстояло доказать, что Япония, несмотря на заключённый в апреле Пакт о нейтралитете, занимала последовательную антисоветскую позицию, а Советский Союз, в свою очередь, также понёс потери от деятельности японского правительства.

Одним из инициаторов организации специального международного суда для Дальнего Востока стал Госдепартамент США. С октября 1945 г. по январь 1946 г. в своих нотах к миссиям стран, подписавших акт о капитуляции Японии, Госдепартамент просил назначить судей и обвинителей от каждой страны, чтобы сформировать Международный военный трибунал (МВТ) для суда над японским высшим военно-политическим руководством. 6 января 1946 г. заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский в своей записке народному комиссару госбезопасности В.Н. Меркулову, наркому внутренних дел С.Н. Круглову и начальнику разведуправления Генштаба КА адмиралу Ф.Ф. Кузнецову попросил «в самом срочном порядке приступить к подбору материалов» для подготовки к работе в ходе международного судебного процесса, местопребыванием которого был выбран Токио [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 30. П. 282. Д. 28. Л. 42]. Ранее при НКВД была создана «Комиссия по руководству процессом главных военных преступников Японии». К записке прилагался список из 14 тем, к которым следовало подбирать материалы — в его состав вошли все проблемные страницы советско-японских отношений: от японской интервенции в годы Гражданской войны до приграничных конфликтов на о. Хасан и на Халхин-Голе, от заключения Антикоминтерновского пакта до потопления советских судов в годы Великой Отечественной войны [АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 30. П. 282. Д. 28. Л. 45]. Первым пунктом приоритетных тем для формирования обвинительных материалов значилось предательское нападение японцев на Порт-Артур в 1904 г., заключительным — составление биографических данных и политических характеристик на лиц, которые могли быть включены в список главных военных преступников Японии.

То есть фактически руководство СССР поставило советским следственным органам, прокуратуре и НКВД (с 15 марта 1946 г. — МИД) СССР цель обеспечить участие Советского Союза в работе МВТ

в Токио, что предполагало не только формирование аргументированной обвинительной базы, но и соответствующую подготовку представителей от СССР, включая не только обвинителя и судью, но и весь аппарат. 17 января 1946 г. были определены советские представители в токийском МВТ (судья И.М. Зарянов и обвинитель с советской стороны С.А. Голунский), имевшие релевантный опыт работы. 23 января 1946 г. была создана Комиссия по руководству работой советских представителей в МВТ в Токио и для руководства подготовкой обвинительных материалов по делу главных военных преступников Японии. Предполагалось, что МВТ в Токио, как и Нюрнбергский трибунал, будет проводиться на основе взаимного уважения и равноправия всех его участников.

Выполнение поставленной цели осложнялось тем, что у сторон имелись разногласия относительно содержания Устава МВТ в Токио. Он был опубликован американской стороной без всесторонних консультаций с Москвой и имел отклонения от Устава Нюрнбергского трибунала, фиксировавшего равноправие. Однако, как сообщил временный поверенный в делах американского посольства Д.Ф. Кеннан в своём письме заместителю наркома иностранных дел С.А. Лозовскому от 19 февраля 1946 г., это не исключало «возможности внесения в него изменений после приезда дополнительных обвинителей от других государств» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 764. Л. 7]. Главный обвинитель Д. Кинэн, со слов Д.Ф. Кеннана, просил передать советской стороне, что отклонения от Устава Нюрнбергского трибунала были сделаны для того, чтобы Устав МВТ в Токио «соответствовал событиям и обстоятельствам, существующим в Японии и отличающимся от тех, которые существуют в Европе», и что «было бы неудобно, если бы различные государства поддерживали особые обвинения в индивидуальном порядке» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 764. Л. 11].

Советское руководство не стало настаивать на отмене этого пункта. Устав МВТ был окончательно утверждён 21 мая 1946 г., и МИД СССР, насколько позволяют судить документы, более не поднимал вопрос о необходимости его корректировки. Категории преступлений, за которые предстояло судить японских военных преступников, основывались на Уставе Нюрнбергского трибунала. Заметная роль главного обвинителя и наличие председателя судейской коллегии, имевшего решающий голос, противоречили духу Нюрнберга и вместе с тем, как представляется, только подчёркивали важность поставленной членам Комиссии

цели: важно было доказать, что СССР понёс хоть и не одномоментный, но всё же существенный урон от действий Японии, а потому его роль в разгроме японского милитаризма не менее важна, чем роль США.

Второй целью, стоявшей перед руководством СССР, которая, по сути, вытекала из первой цели, стало преследование военных преступников из числа командования японских вооружённых сил, среднего и низшего командного состава, в том числе представителей Квантунской армии, которые затерялись среди отправленных в СССР военнопленных японцев. Как и в Нюрнберге, Токийский трибунал должен был осудить только членов правительства Японии и не рассматривал второстепенные вопросы, оставив их, как сказано в Уставе МВТ в Токио, для рассмотрения на заседаниях любых других судов международного или национального характера. Вторую цель предполагалось реализовать уже после завершения Токийского процесса.

Иными словами, СССР при постановке обеих целей руководствовался принципом неотвратимости наказания за совершённые, даже неумышленно, военные преступления, а также стремился предотвратить возвращение участников преступлений на родину, поскольку те могли внести свой вклад в формирование антисоветских настроений в Японии в послевоенные годы. В определённом смысле предполагалась также фильтрация японцев, относящихся нейтрально или благосклонно к Советскому Союзу, от тех из них, которые относились к стране враждебно, однако она из-за давления японских общественных организаций проведена не была.

ЗАДАЧИ РАБОТЫ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ЯПОНСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

В то время как в ходе Нюрнбергского судебного процесса были полностью доказаны зверства нацистской оккупации и задокументированы принесённые СССР за годы войны разрушения, урон, нанесённый Советскому Союзу от действий Японии в предыдущие годы и во время войны, был неочевиден для США, Китая, Великобритании и других представителей МВТ в Токио. Поэтому в рамках *первой цели* ЦК ВКП(б) 21 марта 1946 г. в своей директиве советским представителям в МВТ в Токио поставил ряд задач.

Во-первых, главной задачей советского обвинения должно было стать формирование доказательств того, что Япония имела агрессивные намерения по отношению сначала к Российской империи, затем и к СССР. Следовало доказать, что Япония развязала Русско-японскую войну, во время Гражданской войны оккупировала часть Дальнего Востока, готовила Корею и Маньчжурию как плацдарм для нападения на Советский Союз, готовила диверсии на КВЖД, первой начала территориальные конфликты, готовила нападение на СССР перед и в годы войны, а также нарушала Советско-японский пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 764. Л. 141—143]. Фактически было повторено содержание всех 14 тем, которые НКВД высылал ещё 6 января 1946 г.

Во-вторых, советским представителям было предписано поддерживать список всех 17 подсудимых, которых выдвинула американская сторона, но при этом добиться включения в него ещё 8 человек, уже от СССР. В них входили в том числе бывший командующий Квантунской армией генерал Ёсидзиро Умэдзу, бывший посол в СССР Мамору Сигэмицу и содержавшийся в СССР заместитель военного министра генерал-лейтенант Кёдзи Томинага, входивший в круг доверенных лиц премьер-министра Хидэки Тодзё, ответственного за развязывание войны против США.

В-третьих, как и в Нюрнберге, советское руководство ставило задачу добиться того, чтобы в список подсудимых вошли представители японских концернов (Мицуи, Мицубиси, Окура, Накадзима и других), в то время как США были против этого. Примечательно, что советскому аппарату в Токио не ставилась задача преследования императора Хирохито, хотя впоследствии СССР настаивал на том, что именно он являлся главным военным преступником. Американцы были изначально против того, чтобы судить императора, сохранявшего и после войны свой сакральный статус³.

К концу апреля 1946 г. доработка обвинительного акта, содержащего обвинения со стороны СССР, была завершена. Обвинения от СССР на фоне остальной части документа выглядели достаточно скромно: позиция СССР была отражена в 5 пунктах из 55 (№ 17, 35, 36, 51 и 52) [ГА РФ. Ф. Р-7867. Оп. 1. Д. 9. Л. 1—32]. В дополнение к обвинительному акту ко 2 мая аппаратом С.А. Голунского был разработан судебный меморандум (trial brief), представлявший

³ По сообщениям советской разведки, Государственный департамент США уже в конце августа 1945 г. считал необходимым сохранить жизнь японскому императору и не подвергать его преследованию. См. подробнее: [3, с. 455—456].

подробное изложение фактов, подлежащих доказыванию на суде со стороны обвинения в части, касавшейся японской агрессии против Советского Союза. С.А. Голунский в своей сопроводительной записке указывал, что данный документ не является окончательным и будет дополняться сведениями о персональной ответственности всех 28 обвиняемых [АВП РФ. Ф. 018. Оп. 8. П. 9. Д. 123. Л. 83, 84—102]. Стоит отметить, что «бриф» содержал не только нарратив об агрессивном характере японской внешней политики с 1918 по 1941 г., но и выдержки из документов, которые имелись в распоряжении американской стороны, а также сведения советской разведки и министерства обороны. К ним относилась информация о количестве авиабаз, аэродромов и укрепрайонов, построенных японскими вооружёнными силами вблизи границы с СССР, возможностях японской военной промышленности в Маньчжурии, статистике нарушений советско-японской границы, потерях в ходе конфликта в районе о. Хасан и др. Она придавала весомости позиции СССР.

Весь май С.А. Голунский готовил речь своего выступления, которое должно было состояться в конце первой декады июля, однако в итоге он свою речь смог произнести лишь 8 октября 1946 г. Первоначальный вариант обвинительной речи был готов уже к 7 июня: предполагалось, что после С.А. Голунского выступят его помощники: полковник А.И. Иванов, В.С. Тадевосян, А.Н. Васильев, который позднее сменит С.А. Голунского на его посту, а подведёт итог начальник следственной части советских представителей на МВТ С.Я. Розенблит [13, р. 162—163]. Каждый из помощников должен был усилить тезисы советского обвинителя. Первые варианты обвинительной речи С.А. Голунского найти не удалось, однако сравнение её финального варианта с судебным меморандумом показывает, что в ней содержалось меньше статистических данных и больше публицистических оборотов.

К концу октября 1946 г. завершилась фаза советского обвинения, и вплоть до декабря СССР для аргументации своей позиции вызывал свидетелей. То есть фактически к октябрю — декабрю 1946 г. аппарат советского обвинителя в довольно сжатые сроки, пусть и с оговорками⁴, выполнил свою первую задачу, поставлен-

⁴ С.Я. Розенблит, подводя предварительный итог выступлениям советского обвинения, отмечал, что обвинения Японии в нарушении советско-японской границы в районе Халхин-Гола ничем не подкреплены. Он предложил дать указания Генштабу КА и органам контрразведки МГБ найти советских

ную ему ещё 21 марта, и почти полностью — вторую: так и не удалось посадить на скамью подсудимых некоторых бывших членов японского правительства (например, Кёдзи Томинагу, содержавшегося в СССР). Советский обвинитель и его аппарат не выполнили только третью задачу.

Работа МВТ в Токио завершилась 12 ноября 1948 г., когда, несмотря на все разногласия, трибунал вынес приговор обвиняемым. Всего в Токио было осуждено 28 человек, из них 7 приговорены к смертной казни. Итоги работы МВТ в Токио были признаны удовлетворительными, советская делегация не стала подавать «особое мнение».

Задачи в рамках *второй цели* были определены уже после окончания Токийского процесса, однако предпосылки к их появлению возникли ещё летом — осенью 1946 г. В ходе поиска и вызова свидетелей от советской стороны для участия в работе МВТ в Токио МВД СССР получило сведения о намерении Японии развязать бактериологическую войну против СССР. Американская сторона просила сообщить, известно ли советской части обвинения что-либо о производстве бактериологического оружия и его испытаний на китайцах [ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 469. Л. 98—102], позднее было решено допросить генерал-лейтенанта Рюдзи Кадзицуку, который ничего существенного не сообщил [1, с. 20]. Уже 8 августа 1946 г. на допросе один из содержавшихся в СССР военнопленных, генерал-майор Киёси Кавасима признался, что возглавлял производственный отдел подразделения по производству бактерий, который был создан при Квантунской армии. 11 августа на повторном допросе он признал, что это подразделение готовило бактериологическую войну, хотя конкретных директив командования Квантунской армии он не видел [ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 469. Л. 34—35, 48—61]. Испытания различных средств ведения войны (бактерии, микробы, грибки) проводились на живых людях. 6 сентября свои показания дал начальник санитарного управления, генерал-лейтенант Рюдзи Кадзицука, который подтвердил, что в рамках подготовки бактериологической войны в подразделении выращивали бактерии болезней. Допросы этих бывших военнослужащих японской армии были запротоколированы и отправлены в МВТ.

военнослужащих, воевавших против японцев, и взять с них показания, а также разыскать советских военных советников, состоявших при монгольских войсках в период конфликта.

Первоначально документы заинтересовали скорее главного обвинителя, американца Д. Кинэна, а не советское руководство. Заместитель министра внутренних дел СССР В.В. Чернышов полагал, что обоих военнопленных можно было бы передать американскому обвинению и не возвращать в СССР [ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 469. Л. 99—100]. К 27 августа 1947 г. были найдены ещё пятеро японских военнопленных, которые дали показания, подтверждавшие всё сказанное Кадзицукой и Кавасимой. Все они получили статус свидетелей. С.Я. Розенблит, вернувшись в СССР, допросил их повторно, их показания были запротоколированы для перевода и последующей отправки в МВТ [ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 489. Л. 26]. Однако американская сторона не приняла доказательств СССР о планах по применению бактериологического оружия, а виновные в его разработке и применении не были наказаны⁵. Кроме того, выяснилось, что испытания проводились и на русских эмигрантах, и на советских гражданах, пусть и незаконно перешедших границу или дезертировавших из Красной армии. Завершение Токийского процесса, усиливающиеся внешнеполитические разногласия СССР и США по вопросам переустройства Японии, подозрительное нежелание американцев идти на сотрудничество в расследовании обстоятельств разработки бактериологического оружия — всё это свидетельствовало о необходимости проведения собственного суда, тем более, что это не противоречило условиям капитуляции Японии и политике Д. Макартура.

К 19 июля 1948 г. МВД доложил В.М. Молотову об имевшейся информации о бактериологическом оружии, разрабатывавшемся в секретных подразделениях Квантунской армии («отрядах» № 731, 100, «Эй», «Нами») в Маньчжурии и Китае. С июля 1948 г. по апрель 1949 г. МВД совместно с Генеральной прокуратурой СССР продолжало допрос и поиск преступников. Состав военных преступлений, обстоятельства и примерное время их совершения уже были известны МВД и МГБ, поэтому 23 апреля 1949 г. в своей записке И.В. Сталину министр внутренних дел С.Н. Круглов отметил, что следовало бы провести уже в мае специальный открытый суд над всеми преступниками, виновными в разработке бактериологического оружия. Процесс по просьбе МИД СССР был отложен до конца лета, поскольку в апреле 1949 г. началась последняя массовая репатриация японских военнопленных,

⁵ О том, как происходила переписка аппарата советского обвинителя, МИД СССР и американского обвинителя см.: [7].

которая должна была вернуть на родину всех японцев, не виновных и не подозреваемых в каких-либо преступлениях. Подготовка судебного процесса была возложена на МВД, министерство юстиции и Генеральную прокуратуру СССР, организация судебных заседаний — на начальника УМВД по Хабаровскому краю РСФСР, генерал-майора В.С. Царёва. Но суд так и не состоялся ни в сентябре, ни в октябре, как предполагалось. Советское руководство понимало, что для проведения открытого судебного процесса нужна была тщательная подготовка, в связи с чем необходимо было решить целый ряд задач.

Во-первых, предстояло установить все, даже мельчайшие детали организации, производства бактериологического оружия, учитывая то, что «спецотряды» имели разветвлённую сеть как в Китае, так и в Маньчжурии. Во-вторых, советские следственные органы должны были выявить всех виновных — не только руководящих, но и рядовых сотрудников, в том числе скрывающихся за рубежом. В-третьих, МВД, МГБ, Генеральная прокуратура СССР и министерство юстиции совместными усилиями должны были точно определить роль каждого из подсудимых и подготовить убедительные, тщательно аргументированные доказательства их вины. Хотя органы следствия, судейской коллегии и прокуратуры исходили из того, что никто из подсудимых не получит оправдательный приговор — примерные сроки заключения всех подсудимых обсуждались ещё в проекте постановления Совета министров № 4284-1783сс от 8 октября 1949 г., который санкционировал проведение Хабаровского судебного процесса [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1078. Л. 434], — допросы свидетелей и подсудимых, проведение очных ставок продолжались и в декабре 1949 г.

Хабаровский процесс начался 25 декабря, а завершился 30 декабря. Четвёртая задача, поставленная МВД, Генпрокуратуре и министерству юстиции, была не менее важной, чем досудебная подготовка: предстояло обеспечить перевод на японский язык и обратно сотни страниц машинописного текста, застенографировать, судейской коллегии — ознакомиться с материалами, сшитыми в тома. Наконец, пятой задачей являлось широкое освещение итогов процесса в советской и международной прессе. Хабаровский процесс был освещён в союзных изданиях, получил отклик и в американской и японской прессе, однако весьма ограниченный. По итогам процесса был издан сборник материалов на нескольких иностранных языках.

Все упомянутые выше задачи, поставленные перед органами юстиции, Генеральной прокуратуры и внутренних дел были реализованы в конце 1949 г. — начале 1950 г. Обвинительное заключение было подготовлено 17 декабря 1949 г. и вручено всем 12 подсудимым 22 декабря, 30 декабря им был вынесен приговор по Указу ВС РСФСР № 39 от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников».

Наконец, отдельная группа задач, поставленных перед МВД, Генеральной прокуратурой, министерством юстиции и МГБ, касалась выявления и наказания всех диверсантов (*тэйсинтай*, «добровольческих отрядов», т.е. «смертников»), сотрудников и агентов японской военной разведки, контрразведки, правоохранительных органов в Маньчжурии. Их дела предполагалось рассматривать на закрытых заседаниях военных трибуналов, судить как по Указу ВС РСФСР № 39, так и по 58-й статье УК РСФСР.

Таким образом, выполнение этой отдельной группы задач растянулось по времени на период с 1947 по 1953 г. Подготовка закрытых судов потребовала больше времени, и потому даже к 1952—1953 гг. не всем военным преступникам были вынесены приговоры. Поиск преступников продолжался и за пределами СССР: американская сторона отказалась выдавать руководителей «отряда № 731» Исии Сиро и Китано Масадзи, руководителя «отряда № 100» Вакамацу Юдзиро и бывшего начальника штаба Квантунской армии Касахаро Юкио.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОИСКА И ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЯПОНСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Главными результатами для СССР стало выполнение почти всех поставленных целей и задач. В то же время советское руководство не могло открыто признать, что в СССР после завершения массовой репатриации японских военнопленных ещё оставались бывшие военнослужащие японских вооружённых сил, поскольку факт их задержки наносил урон советскому имиджу и усиливал позиции оккупационных американских органов. Согласно информации, которой к 1 марта 1949 г. располагало ГУПВИ,

общее число военнопленных японцев, которые могли быть причастны к совершению военных преступлений, шпионажу, проведению диверсий против советских вооружённых сил, составляло 8870 чел. [РГВА. Ф. 1п. Оп. 8и. Д. 5. Л. 16]. Однако советское правительство, учитывая внешнеполитическую напряжённость, постановило репатриировать всех японских граждан, не виновных в совершении преступлений до, во время и после завершения Второй мировой войны. 2 ноября 1949 г. согласно постановлению Совета министров СССР № 5038-1924сс была учреждена комиссия в составе министра внутренних дел С.Н. Круглова, министра государственной безопасности В.С. Абакумова и генерального прокурора СССР Г.Н. Сафонова, которая должна была рассмотреть дела освобождённых от репатриации военнопленных и интернированных японцев и окончательно определить список тех, кого следовало судить на заседаниях военных трибуналов.

2 февраля 1950 г., комиссия завершила свою работу. Согласно итоговым данным, от репатриации были освобождены 1578 чел., в число которых входили 1487 чел. военнопленных (среди них 34 генерала) и 91 интернированный японец. Большинство из них составляли сотрудники жандармерии, военной полиции, разведки и контрразведки (479 чел.), а также командно-преподавательский состав разведывательных и диверсионных школ (215 чел.). Репатриации подлежали 3109 японцев, среди которых насчитывалось 1346 бывших военнослужащих (включая 80 генералов) и 1683 гражданских лица, а 971 японский военнопленный ожидали передачи КНР [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 64].

К концу декабря 1956 г. в рамках нормализации советско-японских отношений все граждане Японии, осуждённые в качестве военных преступников, были освобождены.

ВЫВОДЫ

Всего работа по выявлению и судебному преследованию японских военных преступников заняла 7 лет — с лета 1946 г. по конец 1953 г. Она проводилась поэтапно: сначала были подготовлены материалы для Токийского процесса, они, в свою очередь, стали основой для формирования доказательной базы для Хабаровского военного трибунала и других «национальных» (т.е. проводимых внутри СССР) судебных процессов.

Таким образом, стоит отметить, что поиск и преследование японских военных преступников были для руководства СССР не менее важными целями, чем предание суду нацистских злодеев и их пособников, а поставленные перед МВД, МГБ, Генпрокуратурой задачи являлись не менее масштабными и трудоёмкими в сравнении с той работой, которая проводилась в СССР в отношении немцев. Наряду с этим сложно не признать, что Хабаровский процесс и другие «национальные» суды происходили в напряжённых внешнеполитических условиях. Требовалось показать, что Советский Союз отныне не связан необходимостью сотрудничества с США для расследования злодеяний японских военных преступлений и может самостоятельно вершить правосудие над теми, кто избежал ответственности во время Токийского процесса из-за позиции США. Действия руководства СССР должны были служить предостережением для безответственного использования избежавших суда преступников в интересах других государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галицкий В.П. Выявление и придание суду военных преступников из числа японских военнопленных в СССР на Хабаровском процессе: неизвестные страницы // Журнал исторических исследований российских и восточноевропейских исследований. 2022. № 1 (28). С. 7—34.
2. Звягинцев А.Г. Палачи ада. Уроки Хабаровского процесса. М., 2021. 400 с.
3. К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Документальные материалы (1939—1945) из архива Службы внешней разведки Российской Федерации. 1945 год. М., 2025. Т. 6. 528 с.
4. Кузнецов Д.В. Оружие дьявола: разработка и применение оружия массового уничтожения во время агрессии Японии против Китая (1931—1945 гг.). Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2019. 346 с.
5. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950 г. 538 с.
6. «Нюрнберг» на Амуре. Из истории Хабаровского процесса (25—30 декабря 1949 г.) / авт.-сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2024. 500 с.
7. Романова В.В. От Токийского суда к Хабаровскому: из истории подготовки судебного процесса над японскими военными преступниками-бактериологами // История медицины. 2015. Вып. 2. № 1. С. 72—82.

8. Романова В.В., Шулатов Я.А. После Хабаровского процесса 1949 г.: СССР, США и попытка организации нового трибунала на Дальнем Востоке в условиях «холодной войны» // История медицины. 2017. Т. 4. № 3. С. 301—316.
9. Романова В.В., Шулатов Я.А. Эхо Хабаровского процесса: СССР и кампания по обвинению США в применении бактериологического оружия во время Корейской войны (1950—1953 гг.) // История медицины. 2018. Т. 5. № 4. С. 328—343.
10. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. В 2 книгах. Кн. 2: Чума бактериологического периода. М., 2006. 696 с.
11. Тужилин С.В. Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 70-летию события) // Военно-исторический журнал. 2020. № 12. С. 18—24.
12. Христофоров В.С. Хабаровский процесс 1949 г. по материалам Центрального архива ФСБ России // Великая Победа. В 15 т. Т. 8: Расплата / под общей редакцией С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. М., 2015. С. 102—110.
13. In the Ruins of the Japanese Empire: Imperial Violence, State Destruction, and the Reordering of Modern East Asia. Ed. by B. Kushner, A. Levidis. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2020. 252 p.
14. АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации). Интернет-проект «Токийский процесс. Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока 1946—1948 гг.». URL: <https://tokyo-tribunal.rusarchives.ru/o-proekte> (дата обращения: 14.10.2025).
15. ГА РФ (Гос. Архив Российской Федерации). Интернет-проект «Токийский процесс. Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока 1946—1948 гг.». URL: <https://tokyo-tribunal.rusarchives.ru/o-proekte> (дата обращения: 14.10.2025).
16. РГАСПИ (Рос. гос. архив социально-политической истории). Интернет-проект «Токийский процесс. Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока 1946—1948 гг.». URL: <https://tokyo-tribunal.rusarchives.ru/o-proekte> (дата обращения: 14.10.2025).
17. РГВА (Рос. гос. воен. архив).

REFERENCES

1. Galitsky V.P. Vyyavleniye i pridaniye sudu voyennykh prestupnikov iz chisla yaponskikh voyennoplennykh v SSSR na Khabarovskom protsesse: neizvestnyye stranitsy [Identification and Trial of War Criminals from among Japanese Prisoners of War in the USSR at the Khabarovsk Trial: Unknown Pages]. *Zhurnal istoricheskikh issledovaniy rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh issledovaniy*, 2022, no.1 (28), pp. 7—34. (In Russ.)
2. Zvyagintsev A.G. *Palachi ada. Uroki Khabarovskogo protsesa* [The Executioners of Hell. Lessons of the Khabarovsk Process]. Moscow, 2021, 400 p. (In Russ.)
3. *K 80-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne. Dokumental'nye materialy (1939—1945) iz arkhiva Sluzhby vneshney razvedki Rossiyskoy Federatsii. 1945 god* [On the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War. Documentary Materials (1939—1945) from the Archive of the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation. 1945]. Moscow, 2025, vol. 6, 528 p. (In Russ.)

4. Kuznetsov D.V. *Oruzhie d'yavola: razrabotka i primenenie oruzhiya massovogo unichtozheniya vo vremya agressii Yaponii protiv Kitaya (1931—1945 gg.)* [The Devil's Weapon: The Development and Use of Weapons of Mass Destruction During Japan's Aggression against China (1931—1945)]. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2019, 346 p. (In Russ.)
5. *Materialy sudebnogo protsessa po delu byvshikh voyennosluzhashchikh yaponskoy armii, obvinyayemykh v podgotovke i primenenii bakteriologicheskogo oruzhiya* [Materials of the Trial of Former Japanese Army Soldiers Accused of Preparing and Using Bacteriological Weapons]. Moscow, 1950, 538 p. (In Russ.)
6. «Nyurnberg» na Amure. Iz istorii Khabarovskogo protsessa (25—30 dekabrya 1949 g.) [“Nuremberg” on Amur River. From the History of Khabarovsk Trials]. Ed. by D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk, Izdatel'stvo BGPU Publ., 2024, 500 p. (In Russ.)
7. Romanova V.V. Ot Tokiyskogo suda k Khabarovskomu: iz istorii podgotovki sudebnogo protsessa nad yaponskimi voennymi prestupnikami-bakteriologami [From the Tokyo Court to Khabarovsk: From the History of the Preparation of the Trial of Japanese War Criminals, Bacteriologists]. *Istoriya meditsiny*, 2015, iss. 2, no. 1, pp. 72—82. (In Russ.)
8. Romanova V.V., Shulатов Ya.A. Posle Khabarovskogo protsessa 1949 g.: SSSR, SShA i popytka organizatsii novogo tribunala na Dal'nem Vostoke v usloviyakh «kholodnoy voyny» [After the Khabarovsk Trial of 1949: The USSR, the USA and the Attempt to Organize a New Tribunal in the Far East during the Cold War]. *Istoriya meditsiny*, 2017, vol. 4, no. 3, pp. 301—316. (In Russ.)
9. Romanova V.V., Shulатов Ya.A. Ekho Khabarovskogo protsessa: SSSR i kampa-niya po obvineniyu SShA v primenenii bakteriologicheskogo oruzhiya vo vremya Koreyskoy voyny (1950—1953 gg.) [Echo of the Khabarovsk Trial: The USSR and the Campaign to Accuse the United States of Using Bacteriological Weapons during the Korean War (1950—1953)]. *Istoriya meditsiny*, 2018, vol. 5, no. 4, pp. 328—343. (In Russ.)
10. Supotnitsky M.V., Supotnitskaya N.S. *Ocherki istorii chumy. V 2 knigakh. Kniga 2: Chuma bakteriologicheskogo perioda* [Essays on the History of the Plague. In 2 books. Book 2: The Plague of the Bacteriological Period]. Moscow, 2006, 696 p. (In Russ.)
11. Tuzhilin S.V. Khabarovskiy sudebnyy protsess nad yaponskimi voennymi pres-tupnikami (k 70-letiyu sobytiya) [Khabarovsk Trial of Japanese War Criminals (on the 70th Anniversary of the Event)]. *Voenno-istoricheskyy journal*, 2020, no. 12, pp. 18—24. (In Russ.)
12. Khristoforov V.S. Khabarovskiy protsess 1949 g. po materialam Tsentral'nogo arkhiva FSB Rossii [Khabarovsk Trial of 1949 Based on the Materials of the Central Archive of the FSB of Russia]. *Velikaya Pobeda. V 15 t. T. 8. Rasplata* [Great Victory. In 15 vols. Vol. 8. Reckoning]. Ed. By S.E. Naryshkin, A.V. Torkunov. Moscow, 2015, pp. 102—110. (In Russ.)
13. *In the Ruins of the Japanese Empire: Imperial Violence, State Destruction, and the Reordering of Modern East Asia*. Ed. by B. Kushner, A. Levidis. Hong Kong, Hong Kong University Press, 2020, 252 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 20.10.2025